

Алеврас Н. Н. Докторская диссертация в советской диссертационной системе : опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 337—354. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-337-354.

Alevras, N. N., Grishina, N. V. (2022). Doctoral Dissertation in Soviet Dissertation System: Experience of Defenses in 1930s — Early 1940s. *Nauchnyi dialog*, 11(3): 337-354. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-337-354. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-337-354

Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов

Алеврас Наталия Николаевна
orcid.org/0000-0001-9249-0008
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
и зарубежных стран
vhist@mail.ru

Гришина Наталья Владимировна
orcid.org/0000-0002-4325-5965
кандидат исторических наук, доцент
декан историко-филологического
факультета
natalyagrishina@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 22-28-00557

Doctoral Dissertation in Soviet Dissertation System: Experience of Defenses in 1930s — Early 1940s

Natalia N. Alevras
orcid.org/0000-0001-9249-0008
Doctor of History, Professor
the Department of History
of Russia and Foreign Countries
vhist@mail.ru

Natalya V. Grishina
orcid.org/0000-0002-4325-5965
PhD in History, Associate Professor
Decan of the Faculty
of History and Philology
natalyagrishina@mail.ru

Chelyabinsk
State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-00557

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс становления советской диссертационной системы (1920-е — начало 1940-х годов). Уделяется внимание обсуждению ученой степени доктора наук в 1920-е годы, а также статусу докторской диссертации в нормативных актах 1930-х годов. Выдвигается гипотеза, что советская диссертационная система выросла из дореволюционного опыта присуждения ученых степеней, но в процессе своего становления выработала собственные специфические ритуалы. Проверка гипотезы осуществлена на примере диссертационных диспутов М. Д. Присёлкова и А. И. Андреева — историков, чье вхождение в научное сообщество началось в досоветский период, а достижение высшей ученой степени доктора наук состоялось на рубеже 1930—1940-х годов. Проведена оценка степени преемственности / разрыва советской диссертационной системы по отношению к дореволюционному опыту. Сформулирован вывод о том, что содержательная сторона диспутов в довоенный период была ориентирована на дореволюционные традиции университетской системы. Утверждается, что научная составляющая диссертационных диспутов в это время определяла их атмосферу и содержание дискуссий. Авторы считают, что детально составленные стенограммы защит диссертаций в советское время являются недооцененным источником для изучения советской диссертационной системы.

Ключевые слова:

советская историческая наука; М. Д. Присёлков; А. И. Андреев; В. П. Волгин; О. Ю. Шмидт; С. А. Жебелев; А. А. Шахматов; А. С. Лаппо-Данилевский; докторская диссертация; диспут; научная квалификация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of formation of the Soviet dissertation system (1920 — early 1940s) is considered. Attention is paid to the discussion of the degree of doctor of science in the 1920s, as well as the status of the doctoral dissertation in the regulations of the 1930s. It is hypothesized that the Soviet dissertation system grew out of the pre-revolutionary experience of awarding scientific degrees, but in the process of its formation it developed its own specific rituals. The hypothesis was tested on the example of dissertation disputes by M. D. Priselkov and A. I. Andreev — historians, whose entry into the scientific community began in the pre-Soviet period, and the achievement of the highest academic degree of Doctor of Science occurred at the turn of the 1930s—1940s. An assessment of the degree of continuity/gap of the Soviet dissertation system in relation to the pre-revolutionary experience has been carried out. The conclusion is drawn that the content of the disputes in the pre-war period was focused on the pre-revolutionary traditions of the university system. It is argued that the scientific component of dissertation disputes at that time determined their atmosphere and content of discussions. The authors believe that the detailed transcripts of dissertation defenses in the Soviet era are an underestimated source for studying the Soviet dissertation system.

Key words:

Soviet historical science; M. D. Priselkov; A. I. Andreev; V. P. Volgin; O. Yu. Schmidt; S. A. Zhebelev; A. A. Shakhmatov; A. S. Lap-po-Danilevsky; doctoral dissertation; dispute; scientific qualification.

Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов

© Алеврас Н. Н., Гришина Н. В., 2022

1. Введение = Introduction

Защита диссертации всегда воспринималась российскими учеными как важный этап научной карьеры, и, конечно, отмена системы присуждения ученых степеней в 1918 году разрушила привычную иерархию научного сообщества. В связи с этим понятно стремление ученых воспроизводить привычные модели взаимодействия в 1920-е годы, в том числе диссертационные диспуты, которые потеряли нормативный статус, но сохранили символическое значение актов легитимации научных концепций [Гришина, 2016, с. 88—98] и маркировали вхождение в научное сообщество [Демина, 2005, с. 97—112].

В данной статье пойдет речь о становлении советской диссертационной системы (1920-е — начало 1940-х годов). Авторы попытаются осветить основные шаги по ее формированию, ответить на вопрос о степени преемственности между дореволюционной и советской диссертационными культурами, а также проследить влияние их нормативных основ на диссертационные истории отдельных ученых. В фокус нашего внимания попали историки М. Д. Присёлков (1881—1941) и А. И. Андреев (1887—1959), чьи пути в науке, имевшие начало в 1910-х годах, проходили через менявшиеся диссертационные правила.

Выбор диссертационных историй М. Д. Присёлкова и М. Д. Андреева в качестве предмета исследования обусловлен несколькими причинами. Оба историка прошли профессиональную подготовку под руководством виднейших профессоров Петербургского университета, заложивших основы источниковедческих исследований. М. Д. Присёлков в 1903 году был «оставлен для подготовки к профессорскому званию» С. Ф. Платоновым по кафедре русской истории, но, испытывая интерес к церковно-политической истории и историческим источникам средневековой Руси, стал учеником филолога-лингвиста и историка русского летописания академика А. А. Шахматова [Лурье, 1996, с. 5]. А. И. Андреев, поступивший в университет в 1909 году, формировался как ученый в школе русской дипломатики частных актов академика А. С. Лаппо-Данилевского. Вторым своим учителем он считал А. Е. Преснякова, утвердившего методологический принцип приоритета источника как основы концептуальных построений историка.

Из двух историков только М. Д. Присёлков получил первую ученую степень в период действия дореволюционных диссертационных норм. В 1914 году он защитил труд «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков», что позволило ему приобрести степень магистра русской истории [Присёлков, 1913; Магистерский диспут ..., 1914, с. 133—139]. А. И. Андреев, завершивший обучение в университете в 1916 году, к моменту отмены ученых степеней делал первые шаги на научном поприще, магистерской диссертации ему защитить не пришлось. Эти факты через несколько десятилетий оказали влияние на выход к защите докторской диссертации: Присёлкову и Андрееву пришлось воспользоваться разными положениями нормативных документов, регулирующих процесс приобретения ученой степени.

Обращает на себя внимание общность жизненных траекторий двух историков в постреволюционное время. В 1920-е годы они продолжали активно публиковаться. На рубеже 1920—1930-х годов стали фигурантами «Академического дела», получив тюремные сроки, замененные впоследствии ссылкой, что приостановило их научную деятельность. С середины 1930-х годов историки постепенно вернулись к исследовательской работе, что ознаменовалось защитой докторских диссертаций. Защита диссертации М. Д. Присёлкова «История русского летописания с X до XV веков» была организована 17 июня 1939 года советом исторического факультета Ленинградского университета [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, лл. 1—33]. Защита диссертации А. И. Андреева «Очерки источниковедения Сибири» состоялась 4 октября 1940 года в Институте истории Академии наук в Москве [И. П., 1940, № 12, с. 130—140].

Обе защиты пришлось на «начальный» период существования советской системы присуждения ученых степеней, на этап апробации ее правил. Имеющиеся у авторов документы позволяют реконструировать процесс защиты и сравнить его с дореволюционной практикой.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили архивные данные аттестационной комиссии Коммунистической академии ЦИК СССР, законодательные акты о высших учебных заведениях и присуждении научных степеней. Кроме того, наиболее важным, на взгляд авторов, источником информации являются детально составленные в советское время стенограммы защит диссертаций, которые до настоящего времени недостаточно изучены как ресурсы для анализа советской диссертационной системы.

Законодательство, определившее нормативную базу получения ученых степеней применительно к ситуации первых десятилетий в истории

советской науки, не раз становилось предметом исследования в современной науке [Козлова, 2001, с. 145—159; Мамонтова и др., 2014, с. 146—175; Парсамов и др., 2014; Корноухова, 2016, с. 18—28]. В данной статье авторы продолжают изучение советской диссертационной системы, не останавливаясь на всех аспектах законодательного регулирования гратификационной системы в анализируемый период, а сосредоточиваясь на требованиях к ученой степени доктора наук и на анализе процедуры защиты, что позволит сделать выводы о специфике присуждения ученых степеней.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Докторская диссертация советского ученого: обсуждение необходимости ученой степени в 1920-х — начале 1930-х годов

Ликвидация декретом 1918 года ученых степеней и званий «впредь до издания нового Положения о российских университетах» [Декрет ..., 1918, с. 999] потребовала возвращения к этому вопросу в последующие годы.

Проблема возобновления присуждения ученых степеней, по всей видимости, начала обсуждаться с середины 1920-х годов. Определенным этапом на этом пути стало создание советской аспирантуры, обучение в которой завершалось защитой аспирантской диссертации [Цеховой, 2012, с. 111; Гришина, 2014, с. 51]. По нашим данным, применительно к степени доктора наук, этот вопрос был артикулирован в 1926 году на пленуме Секции научных работников (далее — СНР), созданной как профсоюзная организация ученых в 1921—1923 годах [Петаченко, 2016, с. 36—39]. Член Центрального Совета СНР В. П. Волгин в своем выступлении вскоре после пленума подчеркивал, что его участники со всей определенностью высказались «за необходимость установления докторской степени» [Волгин, 1926, с. 22]. Отметим, что дополнительным аргументом Волгина являлась потребность в определении научной квалификации самих ученых, устраивавших диспуты или стремившихся получить степень в тех республиках, где «ученая степень доктора была установлена» [Там же, с. 22—23].

Одновременно с этой профсоюзной инициативой Наркомпросом был разработан проект декрета и положения об установлении ученой степени. В ходе его движения по инстанциям обнаружилось, что единого мнения по этому вопросу нет ни в среде администраторов от науки, ни в среде ученых. Приложением к этим документам стали тезисы, обосновывающие необходимость введения ученой степени, написанные О. Ю. Шмидтом, который на тот момент занимал ведущие должности в Наркомпросе, Государственном Ученом совете, был членом Центрального Совета СНР. Размышляя о мотивах введения ученой степени доктора, Шмидт сосредоточился на необходимости «создания точного порядка определения повышенной на-

учной квалификации» [АРАН, ф. 496, оп. 2, д. 131, л. 1]. Кроме того, сопутствующими мотивами введения докторской степени назывались потребность в унификации ученого звания со странами Запада, а также создание определенных ориентиров для профильных учреждений при привлечении специалистов. Отметим, что, внося предложение о введении степени доктора, авторы проекта старались подчеркнуть его несхожесть с прежней диссертационной системой. Во-первых, предполагалось, что для оценки научной квалификации не потребуется писать специального исследования, «вроде прежних диссертаций», экспертиза будет проводиться по всей совокупности научных произведений соискателя, то есть «предъявляемые требования <...> формально легче выполнимы, чем требования прежней магистерской диссертации» [Там же, л. 1]. Во-вторых, степень доктора не влияла на кадровую политику, ее приобретение не являлось обязательным условием для занятия профессорской должности. Вместе с тем Шмидт считал, что вопрос о присуждении степени доктора должен быть обставлен со всей серьезностью и решаться на публичном диспуте [Там же, л. 1—1 об.].

Стараясь отмежеваться от «прежней» системы научной аттестации, участники обсуждения вопроса об ученых степенях, подбирая аргументы, тем не менее в дискуссии постоянно обращались к дореволюционному опыту. Так, Волгин, считая вопрос о степени доктора принципиально решенным, в своем выступлении сосредоточился на требованиях к уровню квалификации. По идее Центрального бюро СНР, которое он представлял, «квалификация, покрываемая термином “доктор”, должна быть достаточной для занятия профессорской кафедры» [Волгин, 1926, с. 24]. Аспирант же, окончивший обучение и защитивший свою диссертацию, «получает право преподавания в высшей школе как в старое время приватдоцент» (так в тексте выступления. — *Н. А., Н. Г.*) [Там же].

Предоставление докторам возможности руководить кафедрами ставило вопрос о том, может ли профессорскую кафедру занимать ученый без докторской степени. По всей видимости, именно этот аспект обсуждения оказался самым спорным, и принятие окончательного решения о введении степени доктора на фоне имеющихся разногласий приостановилось. Кроме того, на рубеже 1920—1930-х годов начали артикулироваться идеи о создании двухуровневой советской диссертационной системы.

3.2. Формальные требования к диссертации и процедура защиты на соискание ученой степени доктора наук

Законодательное оформление диссертационной системы состоялось в 1934 году, когда было опубликовано постановление «Об ученых степенях и званиях». По нему были установлены степени кандидата и доктора наук.

К приобретению ученой степени доктора допускались лица, имевшие степень кандидата наук либо известные своими научными трудами или изобретениями, они должны были публично защитить диссертацию на избранную тему. Определялись и требования к работе: «Диссертация должна обнаружить самостоятельную исследовательскую работу, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно-обоснованная постановка новых проблем, представляющих значительный научный интерес» [Постановление ..., 1934, с. 56]. Отметим, что постановление регулировало и процедуру получения докторской степени без защиты диссертации по совокупности научных трудов.

Инструкция, детализировавшая постановление, разъясняла формальные требования к организации процедуры защиты [АРАН, ф. 425, оп. 1, д. 3, лл. 2—5]. К защите могла быть допущена диссертация, представляемая как в печатной, так и в опубликованной форме в количестве четырех экземпляров. Кроме текста диссертации, соискатель предоставлял развернутые тезисы диссертации, рассылаемые крупнейшим специалистам той области знания, по которой предполагалась защита. Диссертант мог самостоятельно выбирать учреждение для защиты из перечня организаций, которым это право было дано. Предварительное рассмотрение диссертации происходило в специальной комиссии, создаваемой директором учреждения, избранного для защиты. Комиссия включала в себя трех человек: председателя, заведующего сектором / отделом или руководителя кафедры, а также рецензента — специалиста в соответствующей области знания. Рассмотрение диссертации не должно было превышать трех месяцев. Комиссия могла не одобрить диссертацию, о чем в письменном виде сообщалось директору учреждения, а он уже информировал диссертанта. За соискателем оставалось право в течение месяца оспорить решение комиссии в вышестоящей инстанции.

Одобренные диссертации поступали в Совет учреждения, в котором в течение двух месяцев организовывался диспут. Публичность диспута подчеркивалась особо: диспуты проходили «при участии представителей учреждений, Институты, представителей партийных и общественных организаций, отдельных специалистов данной отрасли и т. д.». Не позднее чем за двадцать дней до дня защиты помещалось объявление о ней в одной из местных или центральных газет с указанием фамилии соискателя, темы диссертации, даты и времени ее защиты, а также оппонентов [Там же, л. 3].

Диспут проходил по рамочному сценарию. Он начинался с выступления диссертанта, в котором обосновывались основные положения исследования. Потом слово брали официальные оппоненты. После чего предоставлялось право выступить всем желающим.

После завершения диспута председатель оглашал заключение Совета. Протокол защиты отправлялся в вышестоящую инстанцию для утверждения. Решения по диссертациям в области общественных наук принимались Наркоматами просвещения союзных республик, Академией Наук СССР и Академиями Наук союзных республик, а также Коммунистической академией. По итогам утверждения в ученой степени соискатель получал диплом от соответствующего учреждения.

Сложившаяся формальная процедура защиты диссертации на протяжении 1930-х годов претерпела несколько изменений. В 1937 году основным нормативным актом, определившим процедуру и условия защиты диссертаций, явилось новое Постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях». [Постановление ..., 1937]. Некоторая коррекция содержания постановления 1937 года за счет исключения ряда отмененных норм и расширения списков вузов и учреждений для организации защит диссертаций состоялась в 1938 году [Постановление ..., 1938]. В этих постановлениях и сопровождающей инструкции прослеживается курс на «быстрые» и формализованные защиты: меняется количество обязательных экземпляров диссертации и тезисов (три экземпляра вместо четырех), устанавливается срок в два месяца для рассмотрения диссертации вместо трех, введенных ранее, предполагается личная беседа членов комиссии с соискателем для всесторонней оценки материалов его дела, формируется структура диссертационного дела.

В Постановлениях 1937—38 годов новым актором диссертационной системы стала Высшая аттестационная комиссия (далее — ВАК). Учрежденная еще в начале 1930-х годов, именно с этого времени она сосредоточила на себе существенную часть полномочий по аттестации научных работников. В частности, было принято решение «передать в Высшую Аттестационную Комиссию Всесоюзного Комитета по Делах Высшей Школы все дела по присуждению ученых степеней и званий, поступившие после 1 января 1936 года» [Постановление ..., 1938].

Подводя итог оценке нормативного контекста диссертационной культуры, отметим, что правила, установленные в вышеназванных актах, во многом следовали нормам дореволюционной диссертационной системы. Полномочия организации защит оставались за советами вузов и академическими институтами. Сохранялась принятая ранее процедура диспута: диссертанты презентовали свои работы во вступительных речах, представляли тезисы диссертаций, оппоненты выступали с анализом их содержания, присутствующие могли задавать вопросы и обмениваться мнениями о защищаемом труде. Имеющиеся стенограммы защит диссертаций позволяют констатировать факт, что в довоенный период процедура защиты воспроизводилась по «лекалам» дореволюционных практик. Вместе

с тем нельзя утверждать, что постановления 1930-х годов калькировали дореволюционные нормы. В них просматривается свой «советский» стиль. Он выражен и в ускоренных сроках рассмотрения диссертаций и организации диспута, и в постепенной централизации процесса присуждения ученых степеней, начиная со второй половины 1930-х годов, в том числе через ВАК [Корноухова, 2016, с. 18—28].

Кроме того, вводимая в 1930-е годы система в большей степени решала задачу научной аттестации для определения статуса ученого в научной иерархии, нежели становилась проводником научных идей и концепций, получавших через процедуру диспута официальное признание. Этот крен советской диссертационной системы улавливали и современники, опасавшиеся как бы «возрождение ученых степеней не повлекло бы за собой их вырождения в нечто такое, что несовместимо с понятием науки» [Жебелёв, 2002, с. 169]. Это же представление укоренилось и в научных исследованиях, где подчеркивается «в значительной степени имитационный характер» советской системы защиты диссертаций [Козлова, 2001, с. 157]. Вместе с тем подчеркнем, что на протяжении всего анализируемого периода создаваемый институт научной аттестации балансировал между государственными потребностями и ужесточением идеологического контроля, с одной стороны [Парсамов и др., 2014, с. 36], и выполнением возлагаемой на него в любых условиях функции научной экспертизы — с другой. Солидаризируемся с выводом исследователя Е. А. Долговой о том, что «в условиях трансформации научной системы <...> власть считалась и с позициями ученых, и с корпоративными правилами научного сообщества» [Долгова, 2020, с. 366].

Рассмотрим примеры диссертационных диспутов, демонстрировавших сохранение в системе советской научной аттестации принципов научности.

3.3. Докторские диспуты М. Д. Присёлкова и А. И. Андреева

Данные исследователей о присуждении докторской степени в 1930-е годы разнятся. Широко растиражирована информация, что в довоенный период существования диссертационной системы докторская степень была присуждена 2700 ученым, из них к началу 1936 года 1800 человек получили искомую степень без защиты диссертации [Галкин, 1958, с. 151]. В то же время А. Я. Синецкий приводил более скромные цифры: за период с 1934 по 1937 годы докторская степень была присуждена 926 ученым, из них 365 человек стали докторами после защиты диссертации [подсчитано по: Синецкий, 1950, с. 88]. В любом случае можно утверждать, что М. Д. Присёлков и А. И. Андреев вошли в первую волну диссертантов, ставших докторами наук в процессе публичного диспута.

В изучаемый период нормой считалась защита докторской диссертации после кандидатской работы или при условии получения ученым звания профессора [Постановление ..., 1937. ст. 4, прим. 1]. В частности, в случае с Присёлковым, по всей вероятности, во внимание был принят и факт защиты магистерской диссертации в 1914 году, и получение им статуса профессора [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, лл. 2—3], что создавало ему надежную перспективу для решения поставленной задачи. К тому же на основе вышеуказанного постановления (в приложении № 1) Ленинградский университет был включен в список вузов, советы которых получали право осуществлять защиты диссертаций.

Более сложная ситуация в связи с отсутствием магистерской / кандидатской диссертации была у Андреева. Но и она облегчалась упомянутым примечанием 1 к статье 4, допускавшим защиту докторской работы без наличия кандидатской диссертации, но при условии известности претендента в научной среде «своими учеными трудами, открытиями или изобретениями» [Постановление ..., 1937. ст. 4, прим. 1]. Более того, примечание 2 к той же статье давало возможность получить докторскую степень «лицам, известным выдающимися научными трудами, открытиями или изобретениями» «без защиты» [Там же, прим. 2].

Первоначально Андреев предполагал воспользоваться именно этим примечанием, написав в ВАК соответствующую просьбу [СПбФА РАН, ф. 934, оп. 2, д. 6, л. 1.]. По всей вероятности, об этом же ходатайствовал и тогдашний директор Института истории Б. Д. Греков, получивший ответ, в котором сообщалось: «Высшая Аттестационная Комиссия, в порядке исключения, разрешает А. И. Андрееву защищать диссертацию на степень доктора наук без наличия степени кандидата наук» [Там же, л. 1а].

Заметим при этом, что Институт истории АН СССР, где проходила его защита, попал в список научных структур, имевших право организации защит диссертаций, только в 1938 году после принятых дополнений к постановлению об ученых степенях и званиях 1937 года.

Можно заметить, что нормативные документы не предполагали каких-либо дискриминационных мер в отношении претендовавших на получение ученой степени лиц «буржуазного» происхождения, беспартийных либо имевших статус преследуемых по политическим мотивам. В документах Аттестационной комиссии встречаются личные дела ученых, подававших заявления о получении ученых степеней и званий без защиты диссертаций, в которых положительные решения принимались несмотря на их участие в политических процессах и наличие партийных взысканий. Так, к примеру, историк Б. М. Фрейдлин, утвержденный в степени кандидата наук без защиты диссертации, указывал в учетной карточке соискателя, что в 1935 году

имел выговор «за неленинскую программу и антипартийную реплику» [АРАН, ф. 425, оп. 2, д. 235]. Документы не дают прямого ответа на вопрос о причинах принятия того или иного решения, впрочем, в случае с Фрейдлиным можно предположить, что решающее значение имели положительные отзывы А. М. Панкратовой и Н. Н. Ванага, приложенные к его ходатайству.

Подчеркнем вместе с тем, что в документах биографического характера, представляемых в советы вузов и научных учреждений для организации защит, факты, связанные с политической дискриминацией, подвергались специфической нейтрализации. В частности, в автобиографии М. Д. Присёлкова годы его ссылки камуфлировались записью: «... В 1928 году, выслужив пенсию, прекратил преподавание и сосредоточил свою работу в музее. К преподавательской работе в Университете вернулся в 1936 году и в настоящее время состоит штатным профессором по кафедре истории СССР» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, л. 4 об].

А. И. Андреев в автобиографии, написанной в 1936—1937 годах, прямо указывал, что «находился в заключении по конец августа 1931 года и был присужден коллегией ОГПУ по делу Академии Наук (Платонова и др.) к пяти годам ссылки в г. Енисейск (сроком по 24.10.1934)» [АРАН, ф. 411, оп. 6, д. 96, л. 4]. Однако в автобиографии, зачитанной во время диспута, этот момент был сглажен. В публиковавшихся позднее биографических сведениях об А. И. Андрееве период ссылки преподносился в завуалированной стилизации: «С осени 1931 по весну 1935 года А. И. работал в Красноярском крае в различных органах акционерного общества “Комсеверопуть” и “Главсевморпуть” и в Енисейском краеведческом музее, одном из самых старых и довольно богатом музее Сибири» [Яцунский, 1960, с. 6].

Структура диссертационных дел позволяет реконструировать процедуру защиты, которая оказывалась более многоэтапной, чем это было представлено в соответствующих постановлениях и инструкциях. Выступая после защиты перед коллективом института народов Севера, где в то время трудился историк, А. И. Андреев упомянул о ходе диспута: «Защита моей докторской диссертации происходила в обычном порядке: сначала читалась моя автобиография, отзыв, который дал институт народов Севера, а затем слово было предложено мне. Во вступительном слове я кратко постарался обрисовать задачи, которые я себе ставил, когда писал свою книгу, кратко обрисовал то главное, что стояло передо мной» [СПбФА РАН, ф. 934, оп. 2, д. 6, л. 71 об]. Затем шли выступления оппонентов. Наконец, Андреев подытожил: «Защита моей диссертации началась в 6 ч. 30 мин., освободили меня в 10-м часу, а голосование было около 11 часов» и получилось единогласным [Там же, л. 76]. Схожая процедура защиты просматривается в диссертационном деле М. Д. Присёлкова, в котором мы находим автобиографию,

названную в дореволюционной традиции «Curriculum vitae», характеристику, подписанную деканом исторического факультета ЛГУ, список научных трудов, тезисы диссертации, отзывы оппонентов, заключение факультета, выписку из протокола совета факультета о присуждении ученой степени, справку о соискателе, подаваемую в ВАК для утверждения в степени, выписку из протокола ВАК о принятии положительного решения в отношении историка, наконец, полный протокол защиты диссертации с выступлениями представителей публики и заключительным словом соискателя [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, 60 л]. Таким образом, формальная процедура диспутов в полной мере соответствовала утвержденным правилам.

Содержательная же сторона презентации и последующего обсуждения докторских диссертаций была сосредоточена на научных результатах и корпоративном микроклимате хода защит. Оба соискателя отдали должное своим университетским учителям, не находившимся в тренде советской историографии. Присёлков прямо признавал себя продолжателем дела Шахматова, который, по сути, стал главным героем тезисов, вынесенных на защиту. В деле исследования отечественного летописания Шахматов решал грандиозную задачу «изучения и анализа всех известных летописных текстов», дав своими трудами «первоклассный материал для опыта построения истории русского летописания, т. е. для трактовки летописных текстов как исторического источника» [Там же, лл. 38об—39]. Задача Присёлкова-ученика состояла в этой самой «трактовке» летописей, при этом он считал «свой опыт далеким от безупречности» [Там же, л. 39].

Образ А. С. Лаппо-Данилевского — учителя Андреева — незримо присутствовал на протяжении всего диспута. С упоминания учебы и первых научных шагов под руководством Лаппо-Данилевского начиналась автобиография соискателя, к методам работы учителя с источниками апеллировали оппоненты диссертации [СПбФА РАН, ф. 934, оп. 2, д. 6, лл. 18, 49, 74]. По всей видимости, во время выступления по итогам диспута на ученом совете Института народов Севера Андрееву было особенно приятно вновь подчеркнуть свое ученичество у Лаппо-Данилевского. Описывая выступление Б. Д. Грекова, одного из экспертов диссертации, он отметил: «Первый период моей научной работы протекал в плане изучения источников по истории СССР на основании тех методов, которым обучал А. С. Лаппо-Данилевский и которые не потеряли своей научной значимости и ценности до настоящего времени» [Там же, лл. 74—74 об]. По сути, в ходе защит происходила определенная реабилитация концепций Шахматова и Лаппо-Данилевского, встраивание их идей в дискурс советского исторического знания, в первую очередь в сфере источниковедения. Так, Б. Д. Греков указывал на «линии» в работе Лаппо-Данилевского с источниками, пригодные

«и для нашего времени» [Там же]. Из стенограммы его выступления следует, что именно Греков пытался выделить в наследии Лаппо-Данилевского то, что было приемлемым для советской науки: «А. С. Лаппо-Данилевский считал наиболее приятной стороной его деятельности методологические труды, но жизнь показала, что едва ли эта сторона его деятельности является лучшей стороной его деятельности. Можно сказать так, что его методологические труды уже забыты <...> то, что <...> сейчас ставится на 1-е место, — это его работы по источниковедению» [Там же]. Андреев, по мнению Грекова, стал продолжателем именно этой источниковедческой проблематики, «переводя ее на рельсы уже современной марксистско-ленинской методологии» [СПбФА РАН, ф. 934, оп. 1, д. 480, лл. 16—20 об].

В отзыве С. Н. Валка о диссертации Присёлкова содержатся размышления о роли Шахматова для современного уровня развития науки, который «наметил новые задачи в изучении летописного дела» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 1193, лл. 17—17 об]. Присёлков, по Валку, делает следующий шаг, «требуемый марксистско-ленинской историографией», — «изучает наши летописи в теснейшей связи с общим процессом общественного развития древней Руси» [Там же]. Можно утверждать, что диспуты Присёлкова и Андреева, помимо решения прямой задачи — присуждения ученой степени, стали площадками для серьезной дискуссии о развитии источниковедения как научной дисциплины.

Важной частью диспутов была их публичность. В случае с диссертацией Андреева она выражалась в детальном выступлении о защите на официальном собрании по месту службы. Публичность диспута Присёлкова была выдержана в классической манере. Во-первых, на его защите состоялось выступление представителя публики, которым стал С. А. Жебелёв. Жебелёв не являлся специалистом ни по российской истории, ни по истории летописания. В своем выступлении известный антиковед сосредоточился на самом факте диспута и назвал его «гражданским подвигом» Присёлкова, поскольку тот решился стать доктором при соблюдении всего ритуала защиты: «Я бы сказал, что многие сверстники Михаила Дмитриевича и даже люди моложе его давно уже получили ту степень, <...> получили по разным другим признакам — не по диспуту; по совокупности трудов, и для меня как старого университетского деятеля, чрезвычайно ценно, что сегодня это проходит *rite* (по ритуалу. — *Н. А., Н. Г.*), потому что могут быть случаи, что проходят диссертации и всякими незаконными способами — а тут уж с полным правом» [Там же, л. 58 об., «*rite*» вписано в стенограмму карандашом]. Обращает на себя ориентация диспута на студенчество. Неоднократная фиксация в стенограмме «бурных аплодисментов» выдает наличие большой аудитории, в том числе — студентов. О студентах говорил в по-

здравительной речи Б. Д. Греков, выражая надежду, что учащаяся молодежь будет относиться к Присёлкову так же, как он относится к своему учителю Шахматову. Голос студентов тоже прозвучал на диспуте. С букетом в руках и словами благодарности «от научного студенческого кружка», которым руководил диссертант, выступил «студент тов. Альшиц» [Там же, л. 60]. Стенограмма защиты зафиксировала своеобразную передачу научной эстафеты от дореволюционного поколения ученых-историков к их новой генерации военного и послевоенного времени.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование демонстрирует тот факт, что советская диссертационная культура, основываясь на опыте дореволюционной практики защит диссертаций, приобрела многослойную структуру. Формальная сторона советской диссертационной системы, выраженная в правилах и нормах, закрепленных в соответствующих документах, следовала курсу государства на централизацию и превращение института научной аттестации во главе с ВАК в один из инструментов управления наукой. Вместе с тем содержательное наполнение диспутов, примеры отдельных диссертационных историй позволяют говорить о сохранении идеи «высокой» науки. Как свидетельствует опыт М. Д. Присёлкова и А. И. Андреева, соискатели ученых степеней и участники диспута сосредоточивались на сугубо научной составляющей диссертаций, формальная сторона вопроса (о присуждении искомой степени) оставалась на периферии внимания. Более того, диссертационные диспуты довоенного времени оказывались местом, где ещё имелась возможность реабилитации научных авторитетов дореволюционной науки и обсуждались перспективы развития научного знания.

Современные усилия ученых в рамках проблематики советской диссертационной культуры, концентрируемые на преимущественном изучении нормативной стороны организации защит диссертаций в СССР, требуют одновременного расширения диапазона источниковой основы исследований. Стенограммы защит диссертаций, осуществляемых со второй половины 1930-х годов, содержат богатейший информационный ресурс в сравнении со скромным потенциалом дореволюционных протоколов диспутов. Выявление и исследование этого еще не оцененного документального богатства, соединенного с изучением текстов диссертаций и созданием жизнеописаний их авторов, представляется нам задачей весьма непростой для выполнения, но перспективной. Только таким образом можно уловить смену этапов в развитии изучаемого феномена «диссертационная культура» и соотношение политических посылов власти и научных инноваций со стороны сообщества ученых XX века, транслируемых в пространство науч-

ной среды. Как показал многовековой опыт, наполненное созиданием идей и реализацией исследовательской деятельности научное пространство не может существовать вне ученых иерархий. Они выступают организующей и структурирующей основой существования научного мира и сосуществования в нем разных научных традиций. Этим дополнительным аргументом мы объясняем значимость разработок указанных аспектов, объединенных историко-научным ракурсом, задаваемым предлагаемыми подходами к изучению диссертационной культуры XX века.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской Академии наук Ф. 425 (Аттестационная комиссия Коммунистической академии ЦИК СССР). Оп. 1. Д. 3. 74 л ; Оп. 2. Д. 235. 11 л. ; Ф. 496 (Шмидт Отто Юльевич). Оп. 2. Д. 131. 2 л.
2. Волгин В. П. Об установлении единой ученой степени / В. П. Волгин // Научный работник. — 1926. — № 7—8. — С. 22—30.
3. Декрет СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской республики» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. — Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. — С. 999—1000.
4. Жебелёв С. А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / С. А. Жебелёв // Очерки истории отечественной археологии. Сост. А. А. Формозов. Публикация текста и комментарии И. В. Тункиной. — Москва : [б. и.], 2002. — Выпуск III. — С. 146—194.
5. И. П. Защита диссертаций тт. Н. Полонской-Василенко, Е. Бор-Раменским и А. Андреевым // Историк-марксист. — 1940. — № 12. — С. 130—140.
6. Магистерский диспут М. Д. Присёлкова в С-Петербургском университете // Научный исторический журнал. — 1914. — Т. 2. — Выпуск 1 (3). — С. 303—308.
7. Постановление СНК СССР от 13.01.1934 «Об ученых степенях и званиях» // Фронт науки и техники. — 1934. — № 2. — С. 56—57.
8. Постановление СНК СССР от 20 марта 1937 г. № 464 «Об ученых степенях и званиях» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 21 марта 1937. — № 69.
9. Постановление СНК от 26 апреля 1938 г. «Об ученых степенях и званиях» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР от 15 мая 1938. — № 21.
10. СПбФА РАН — *Санкт-Петербургский* филиал архива Российской Академии наук. Ф. 934 (Андреев Александр Игнатьевич). Оп. 2. Д. 6. 81 л ; Оп. 2. Д. 480. 31 л.
11. ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф.7240 (Санкт-Петербургский государственный университет). Оп. 12. Д. 1193. 60 л.

Литература

1. Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / К. Т. Галкин. — Москва : Советская наука, 1958. — 176 с.
2. Гришина Н. В. Диссертационные диспуты конца 1920-х гг. : становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина / Н. В. Гришина // Харківський історіографічний збірник. — 2014. — № 13. — С. 50—59.
3. Гришина Н. В. «... Диспут был реальным фактом и в реальной обстановке» : контуры диссертационной системы в 1920-е гг. / Н. В. Гришина // Диссертация по исто-

рии в контексте российской научной культуры XIX — середины XX вв. : опыт и перспективы изучения : сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г. / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. — Челябинск : Энциклопедия, 2016. — С. 88—98.

4. Демина Н. В. Институционализация в сообществе ученых : защита кандидатской диссертации как обряд перехода / Н. В. Демина // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2005. — Том VIII. — № 1. — С. 97—112.

5. Долгова Е. А. Рождение советской науки : ученые в 1920—1930-е гг. / Е. А. Долгова. — Москва : РГГУ, 2020. — 469 с. — ISBN 978-5-7281-2874-8.

6. Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...» : статусная организация общественных наук в СССР, 1933—1935 годы / Л. А. Козлова // Социологический журнал. — 2001. — № 2. — С. 145—159.

7. Корноухова Г. Г. Деятельность Высшей аттестационной комиссии в довоенный период сталинизма / Г. Г. Корноухова // Вестник Томского государственного университета. — История. — 2016. — № 6 (44). — С. 18—28. — DOI: 10.17223/19988613/44/3.

8. Лурье Я. С. Предисловие / Я. С. Лурье // М. Д. Присёлков. История Русского летописания XI—XV вв. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1996. — С. 5—29.

9. Мамонтова М. А. Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930—1970-е гг. / М. А. Мамонтова, Е. Ю. Соганова // Мир историка : историографический сборник / отв. ред. В. П. Корзун, С. П. Бычков. — Омск : Издательство Омского государственного университета, 2014. — Выпуск 9. — С. 146—175.

10. Парсамов В. С. ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы. Итоги и перспективы изучения : препринт WP6/2014/04 / В. С. Парсамов, А. В. Шалаева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). — 40 с.

11. Петаченко Г. В. Профессиональные объединения научных работников в советской России (1918—1928 гг.) / Г. В. Петаченко // Высшэйшая школа : навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. — 2016. — № 4. — С. 36—39.

12. Цеховой Н. П. Организационно-правовое оформление системы советской аспирантуры : основные этапы и особенности / Н. П. Цеховой // Вестник Томского государственного университета. — История. — 2012. — № 362. — С. 111—115.

13. Яцунский В. К. Краткий очерк жизни и научной деятельности / В. К. Яцунский // Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1960. — Выпуск I : XVII век. — С. 3—15.

Material resources

Archive of the Russian Academy of Sciences F. 425 (Attestation Commission of the Communist Academy of the CEC of the USSR). Op. 1. D. 3. 74 l.; Op. 2. D. 235. 11 l.; F. 496 (Schmidt Otto Yulievich). Op. 2. d. 131. 2 l. (In Russ.).

Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 1, 1918 "On some changes in the composition and structure of state educational and higher educational institutions of the Russian Republic". In: *Collection of legalizations and government orders for 1917—1918*. (1942). Moscow: Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. 999—1000. (In Russ.).

I. P. (1940). Defense of dissertations by T. N. Polonskaya-Vasilenko, E. Borramensky and A. Andreev. *Historian-Marxist*, 12: 130—140. (In Russ.).

- Master's Dispute M. D. Priselkova at St. Petersburg University. (1914). *Scientific Historical Journal*, 2 / 1 (3): 303—308. (In Russ.).
- Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of 13.01.1934 "On academic degrees and titles". (1934). *Front of Science and Technology*, 2: 56—57. (In Russ.).
- Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of March 20, 1937, № 464 "On academic degrees and titles". (1937). In: *Bulletin of the CEC of the USSR and the Central Executive Committee. March 21*, 69. (In Russ.).
- Resolution of the Council of People's Commissars of April 26, 1938 "On academic degrees and titles". (1938). In: *Collection of Resolutions and orders of the Government of the USSR of May 15*, 21. (In Russ.).
- St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 934 (Andreev Alexander Ignatievich). Op. 2. d. 6. 81 l; Op. 2. d. 480. 31 l.* (In Russ.).
- The Central State Archive of St. Petersburg, St. Petersburg — Central State Archive. F. 7240 (St. Petersburg State University). Op. 12. d. 1193. 60 l.* (In Russ.).
- Volgin, V. P. (1926). On the establishment of a unified academic degree. *Researcher*, 7—8: 22—30. (In Russ.).
- Zhebelev, S. A. (2002). Academic degrees in their past, their revival in the present and the imminent danger of their degeneration in the future. In: *Essays on the history of Russian archeology, III*. Moscow: [b. i.]. 146—194. (In Russ.).

References

- Demina, N. V. (2005). Institutionalization in the community of scientists: defense of a PhD thesis as a rite of passage. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, VIII (1): 97—112. (In Russ.).
- Dolgova, E. A. (2020). *The Birth of Soviet science: scientists in the 1920s—1930s*. Moscow: RSUH. 469 p. ISBN 978-5-7281-2874-8. (In Russ.).
- Galkin, K. T. (1958). *Higher education and training of scientific personnel in the USSR*. Moscow: Sovetskaya nauka. 176 p. (In Russ.).
- Grishina, N. V. (2014). Dissertation disputes of the late 1920s: the formation of new disciplinary standards (on the example of the disputes of N. M. Druzhinin and A. I. Neusykhin. *Harkivsky istoriografichny zbirnik*, 13: 50—59. (In Russ.).
- Grishina, N. V. (2016). "... The dispute was a real fact and in a real situation": contours of the dissertation system in the 1920s. In: *Dissertation on history in the context of Russian scientific culture of the XIX — mid-XX centuries: experience and prospects of study: collection of articles on the results of the interregional scientific seminar (webinar), November 18, 2016*. Chelyabinsk: Encyclopedia. 88—98. (In Russ.).
- Kornoukhova, G. G. (2016). Activity of the Higher Attestation Commission in the pre-war period of Stalinism. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 6 (44): 18—28. DOI: 10.17223/19988613/44/3. (In Russ.).
- Kozlova, L. A. (2001). "Without defending a dissertation ...": status organization of social sciences in the USSR, 1933—1935. *Sociological Journal*, 2: 145—159. (In Russ.).
- Lurie, Ya. S. (1996). Preface. In: *M. D. Priselkov. The history of the Russian chronicle of the XI—XV centuries*. St. Petersburg: [b. i.]. 5—29. (In Russ.).
- Mamontova, M. A., Soganova, E. Y. (2014). Transformation of the normative side of "dissertation culture" in the USSR in the 1930s—1970s. In: *The world of the historian: a historiographical collection*, 9. Omsk: Omsk State University Publishing House. 146—175. (In Russ.).

- Parsamov, V. S., Shalaeva, A. V. (2014). *VAK and the problems of scientific certification in the USSR in the 1930s. Results and prospects of the study: preprint WP6/2014/04*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (WP6 series “Humanitarian Studies”). 40 p. (In Russ.).
- Petachenko, G. V. (2016). Professional associations of scientists in Soviet Russia (1918—1928). *Higher school: navukova-metadychny i publitsystychny chasopis*, 4: 36—39. (In Russ.).
- Tsekhovoy, N. P. (2012). Organizational and legal design of the Soviet postgraduate school system: the main stages and features. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 362: 111—115. (In Russ.).
- Yatsunsky, V. K. (1960). A brief sketch of life and scientific activity. In: *Andreev A. I. Essays on the source studies of Siberia. XVII century, 1: XVII century*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 3—15. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.12.2021,
одобрена после рецензирования 18.01.2022,
подготовлена к публикации 23.04.2022.